

Окно захлопнулось так резко и внезапно, что я не знал, что и думать. А вот Роберт, кажется, знал: он подлетел ко мне в восторге.

— Похоже, сработало. — Он издал такой радостный смех, что согнулся пополам и схватился за бока. — Наконец-то я отчетливо показал себя! Наконец-то я начал приносить миру пользу! Ты не представляешь, какая радость знать, что ты исполняешь свое предназначение и оправдываешь репутацию!

Бедный старый призрак!.. Он сам себя в этом убедил, затем присел на сиреневый куст и принялся раскуривать трубку, не переставая болтать. Мне было приятно видеть его в счастливом настроении, и я был уверен, что в этом есть и моя заслуга. Но радость продлилась недолго. Первым предупреждением стал лязг ключей. Затем дверь открылась, и наружу выбежал мистер Шпигельнейл. Все мысли о Роберте тут же вылетели у меня из головы, ибо нас с пастором разделяло всего несколько футов. Видите ли, я пел в церковном хоре и сомневался, что мне удастся убедить пастора, будто я действую в интересах Науки и Истины. Бегство было инстинктивным побуждением. Калитка не стала преградой: я перемахнул ее в два счета и устремился вниз по улице, слыша за спиной совсем близко пыхтение Шпигельнейла. Но я победил: мой преследователь после резкого

старта выдохся и вскоре безнадежно отстал, так что я мог отправиться спать.

Роберт же решил сдаться.

— Ничего не выйдет, — сказал он мне, когда мы встретились у магазина на скамейке следующей ночью. — Сотню лет назад при виде такого жители бежали бы из города — сегодня же все приписывают естественным причинам.

— Это потому, что мы оставили материальные свидетельства — леску и грузило — на окне.

— Думаешь, в доме у нас получится лучше? — оживился он. — Ты можешь спрятаться в туалете и издавать стоны, пока я устраиваю представление.

Вы когда-нибудь слышали большую нелепицу? Тем не менее он был так искренен в своей наивности, что я даже не рассмеялся:

— Я слишком уважаю нашего пастора, чтобы позволить ему застукать меня в своем туалете. Лучше перехватить его, когда он возвращается домой из церкви после вечерней службы в среду. И мы будем действовать не так громко, но более трагично. Прошлой ночью ты переиграл, Роберт. В следующий раз веди себя сдержаннее, как если бы ты находился в глубоком раздумье, и мягко вздыхай. Если он увидит тебя, ты сможешь взять его под руку и повести домой.

Я думал, что у меня правильные идеи насчет того, как должны вести себя призраки, и если бы я

сумел поддерживать Роберта Дж. Динкла в должном настроении и регулярно наставлять его, то сумел бы и пробудить Хармони, и возродить мертвую жизнь кладбища. Но Роберт слишком легко падал духом. Ему не хватало упорства.

Никогда мистер Шпигельнейл не вступал в более тесный контакт с потусторонним, чем той ночью. Он вышел из-за деревьев медленным шагом — до тех пор, пока я не начал действовать. Нет, я не стал ни выть, ни стонать, ни шептать. Вместо этого я издал нетипичный для призрака звук: он не походил ни на человеческий, ни на звериный. Как я и говорил Роберту, для успешного запугивания необходимы новые, оригинальные подходы. Это определенно привлекло внимание пастора: я увидел, как он замер. Как рука с фонарем дрожит. Казалось, он намеревается броситься в кусты, где спрятался я, однако быстро передумал. Он продолжил путь, как если бы все было нормально (хотя это было не так), ускорив шаг. Затем вышел на прогалину, где луна прекрасно освещала расхаживающего вверх-вниз Роберта. Призрак склонил голову набок, будто был занят чтением книги. Тем не менее пастор его не увидел и даже прошел сквозь него. Я повторно издал жуткий звук, и это остановило Шпигельнейла. Он повернулся, поднял фонарь перед собой, поднес руку к уху и стал внимательно вглядываться и вслушиваться. Менее чем в десяти футах от него Роберт затрепетал от восторга. Однако рука пастора не дрожала от страха, а по-прежнему твердо направляла луч света. Вскоре он опустил фонарь, протер глаза, сделал шаг вперед и снова оглянулся.

Призрак смотрелся идеально: как я уже говорил, Роберт был взволнован, вздохи его были несколько неровными, но зато он был преисполнен достоинства. Ему не стоило так быстро отчаиваться. Уверен, он почти материализовался перед Шпигельнейлом, и если бы он продолжал в том же духе, а не сдался лишь потому, что пастор преспокойно дошел до дома, то возымел бы успех. Я-то заметил, что Шпигельнейл шел быстрее обычного и дважды оглянулся; слышал, как он с облегчением захлопнул за собой дверь.

Впрочем, если вспомнить, из чего сделаны призраки, трудно ожидать, что они будут вести себя героически. Они слишком туманны и расплывчаты, чтобы быть стойкими существами, по крайней мере, если верить Роберту.

— Я больше не могу, — сказал он, когда я пришел его навестить.

Он сидел, упираясь локтями в колени, обхватив руками голову и скорбно взирая под ноги.

— Но, Роберт... — начал я, намереваясь подбодрить его.

Он не слышал. Он не стал слушать, а просто растаял в воздухе.

Если бы только он продержался, кто знает, что бы ему удалось совершить... С тех пор я часто думал о нем и сожалел о его нереализованных возможностях, которые, уверен, у него были. Если бы только я понял это той ночью, то Роберт никуда бы не исчез. Но осознание пришло ко мне слишком поздно — только в следующее воскресенье, в церкви, когда после молитвы мистер Шпигельнейл посмотрел на собравшуюся паству сквозь большие дымчатые очки. И произнес полным печали голосом:

— С сожалением должен объявить, что в следующее воскресенье впервые за двадцать лет служба не состоится.

Я стоял на своем месте в хоре и читал ноты, когда услышал слова пастора и вздрогнул: произошло что-то необычное или вот-вот произойдет.

— К сожалению, — продолжал он, — я вынужден передать кафедру брату Спайкеру из баптистской церкви, ибо мое слабеющее зрение вынуждает меня немедленно отправиться в Филадельфию на консультацию к окулисту. Некоторые из братии могут счесть это странным, но я имею на то вескую причину. Они могут посчитать, что я делаю много шума из ничего и вполне мог бы ограничиться визитом к врачу в Гаррисберге. В таком случае позвольте пояснить: я страдаю астигматизмом. Не столько в том плане, что не могу видеть, но в том, что мне мерещится то, чего, я знаю, там нет, — и для исправления этого дефекта зрения мне нужен самый высококлассный специалист. Воскресная школа будет в половине десятого, богослужение в одиннадцать. Тема дня — «И старцы ваши будут видеть видения».

Как же мне хотелось, чтобы Роберт Дж. Динкл тем утром присутствовал в церкви! Он бы преисполнился радости, узнав, что его усилия увенчались частичным успехом, — и, без сомнения, со временем пришел бы и полный успех. Что до меня, я был очень взбудоражен и все время думал о Роберте и о том, как счастлив он бы был; так что я совсем не слушал проповедь, обдумывая новые способы запугивания, и даже забыл пропеть последний псалом. Мне уже живо представлялось будущее Хармони — возвращение к старым добрым временам, когда у людей была

фантазия, а не только факты. Все, что мне нужно было, — вернуть Роберта, и вместе мы бы вскоре добились материализации старых Берри и миссис Кламп.

Как оказалось, я недооценивал слабость духа призраков. Я был уверен, что без труда отыщу моего друга с наступлением ночи. Но этого не случилось. Я сидел, дрожа, на скамейке, а он так и не появлялся. Я звал его и не получал ответа. Тогда я отправился на кладбище и нашел его могилу. Более тихое место сложно представить. По небу

бродили облака, среди листьев вздыхал ветер. Лунный свет пробивался сквозь деревья — такой яркий и четкий, что можно было различить надписи на надгробиях. Просто идеальная ночь для явления потустороннего и запугивания людей.

Я звал Роберта. Я вслушивался. Он так и не ответил. Все, что я слышал, — это кваканье в пруду лягушки-быка, пение в роще козодоя да вой собаки на луну.

Перевод с английского Евгения Никитина

